У истоков российско-германского энергетического взаимодействия (70-е годы XX века)

С.В. Смирнов

В статье рассматривается зарождение и развитие уникального и долговременного российско-германского сотрудничества в энергетической сфере во второй половине XX века, предшествовавшего становлению стабильного политического и экономического взаимодействия двух стран. Основываясь на мемуарах непосредственных участников тех событий с немецкой стороны, особое внимание уделено непростому и интересному периоду сближения позиций СССР и ФРГ в 50-60-е гг., приведшему оба государства к успешному заключению знаменитой сделки «Газ-Трубы» в 1970 г.

Тема сотрудничества СССР и ФРГ в энергетической сфере не теряет своей актуальности не только потому, что вопросы стабильного обеспечения энергоносителями европейских стран сегодня получает всё большее значение. Но еще и потому, что именно Россия и Германия положили начало экономическим и политическим процессам, приобретшим в последующие годы общеевропейский и мировой характер.

В развитии различных стран и регионов мира, и, в частности, Европы в двадцатом веке основным элементом жизнеобеспечения государств однозначно стало углеводородное сырье. Так, в 1900 г. доля нефти в обеспечении мирового потребления энергоресурсов составляла 3%. Уже накануне Второй мировой войны этот показатель вырос до 17,5 %, в 1950 г. он приблизился к 45%, а к 2004 г. достигал 48% [1]. Таким образом, с учётом углеводородного газа баланс общемирового потребления энергоресурсов почти на две трети состоит из энергоносителей этой группы.

В последние десятилетия происходит постоянный рост среднегодового потребления энергии на душу населения в странах Евросоюза: в период с 70-х годов XX–го века до начала XXI-го века оно увеличилось с 3,77 до 3,87 тонн нефтяного эквивалента в ФРГ, с 3,55 до 5,96 в Норвегии и с 4,00 до 6,46 в Финляндии. В целом, в странах ЕС подушевое потребление энергии увеличилось с 3,03 до 3,83[2].

В связи с этим во второй половине прошлого века на передний план вышли два важных энергетических аспекта – откуда брать углеводы во всё возрастающем объеме и каким образом обеспечить надёжность их поставки на рынки конечных потребителей. Как продемонстрировал первый крупный энергетический кризис 1973-1974 годов, объемы поставок, а также цены на газ и нефть значительно зависят именно от поведения, противоречий и/или взаимодействия основных партнеров этого рынка. И хотя тогда очаг кризиса находился вне пределов «старого континента», именно здесь особенно ярко проявились его последствия, а вместе с этим появились опасения относительно вероятного повторения нестабильности энергоснабжения региона, что стимулировало поиски возможных путей ее нейтрализации. На фоне разразившегося Суэцкого конфликта 1956 г. в Европе стало крепнуть ощущение, что необходим поиск альтернативных путей энергообеспечения.

Именно к этому периоду (конец 60-х – начало 70-х годов) относятся первые попытки наладить стабильное российско-германское сотрудничество в различных областях, в том

Смирнов Сергей Васильевич – аспирант кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

числе и в сфере поставок энергоносителей. Они увенчались подписанием первых договоров и соглашений - исторического Соглашения «Трубы - Газ» февраля 1970 г. и основополагающего Московского договора августа 1970 г., и началом регулярных поставок российского газа в Германию в конце 1973 г. Благодаря этим договоренностям и потоку российского газа ФРГ оказалась «подстрахованной» от серьёзных последствий энергетического кризиса 70-х годов. С тех пор началась беспрецедентная история надежного, почти 40- летнего, «энергетического» взаимодействия двух стран, выдержавшего как различные витки «холодной войны», так и глобальные изменения на политической карте Европы в конце XX века.

Сотрудничество Советского Союза, а затем России с Германией было в практическом плане взаимовыгодно для обоих государств. Помимо глобальных политических и энергетических аспектов, следует отметить, что благодаря такому стабильному взаимодействию немецкие трубные концерны Phoenix-Rheinruhr, Mannesmann, Krupp имели огромные контракты и смогли значительно увеличить свое производство, а торгующие и распределяющие концерны – Ruhrgas, Wintershall, Verbundsnetz AG, Midal, Jagal – получают перманентную прибыль. Со своей стороны, СССР смог фактически решить проблему создания надежной разветвленной национальной транспортной энергетической сети, получив выгодные кредиты и, одновременно, зарабатывал и экономил валютные средства, погашая займы поставками газа.

В то же время, исследуя начало практического российско-германского сотрудничества в энергетической сфере в контексте взаимоотношений Восток-Запад, будет уместно проследить, как оно уже с 50-х годов стало объектом самого пристального внимания со стороны США. Вашингтон активно воздействовал на ФРГ с целью подрыва ее сотрудничества с СССР: в 1963 г. американцы «давили» на правительство К. Аденауэра с целью заставить германские фирмы отказаться от заключенных с СССР контрактов. Того же пытались они достигнуть через торговые санкции 1981-1982 гг. в отношении Советского Союза.

Подписанное в феврале 1970 г., «экономическое» Соглашение «Газ-Трубы», а затем «политический» Московский договор стало логическим, но далеко не само собой разумеющимся событием в советско-германских отношениях. Чтобы понять это, следует обратиться к послевоенным 50-м годам, когда началось непростое сближение двух стран.

Сформированное одновременно с образованием ФРГ в 1949 г. правительство во главе с лидером ХДС, канцлером Конрадом Аденауэром, находилось под жёстким контролем западных держав и, особенно, США. Да и сам Аденауэр в те годы был убеждённым противником «дружественного» отношения к Советскому Союзу, отклоняя экономическое сотрудничество и выполнение репарационных обязательств в отношении СССР под предлогом нежелания содействовать укреплению военного потенциала Советов. Следует отметить, что это происходило через четыре года после безоговорочной капитуляции Германского рейха[3].

Совсем иную, трезвую и взвешенную, но не встречавшую тогда ещё реальной поддержки германского руководства позицию занимали уже в то время некоторые западногерманские предприниматели и промышленники, заинтересованные в восстановлении довоенного и последующего расширения уровня товарооборота с СССР. Это подробно отражено в мемуарах бессменного «посла германской индустрии», бывшего во главе знаменитого «Восточного комитета немецкой экономики» с 1952 г. по 2000 г., Отто Вольффа фон Амеронгена, названных «Путь на Восток. Сорок лет строительства мостов для немецкой экономики»[4]. Также непредвзятый и профессиональный взгляд «с другой стороны» на развитие российско-германских отношений даёт в своих оригинальных мемуарах «дважды» посол ФРГ в России Андреас Майер Ландрут[5], начинавший свою карьеру в посольстве Германии в Москве в 1957 г.

Оба автора дают нам уникальную возможность посмотреть изнутри на процессы формирования политики ФРГ по отношению к СССР, в том числе и в экономической сфере. Как отмечал в своих воспоминаниях О.В. фон Амеронген, чей отец одним из первых налаживал деловые контакты с Советской Россией после окончания Первой мировой войны и успешно реализовывал в 20-е годы «дух» Рапалльского Договора, процесс товарообмена с Советским Союзом показывал в начале 50-х годов определённую активность, но никаких мало-мальски приличных сделок. Экспорт из ФРГ в 1950 г. равнялся практически нулю, в 1951 и 1952 годах он составлял несколько сотен тысяч марок. Советские внешнеторговые организации интересовались прежде всего немецкой сталелитейной продукцией и станками. Импорт в ФРГ был чуть выше и представлял из себя небольшие поставки сырьевых продуктов, напрямую или через третьи страны[6].

Именно для устранения такого печального положения дел в декабре 1952 г. деловыми кругами ФРГ при взаимодействии с федеральным правительством был создан специальный «Восточный комитет немецкой экономики». Но ещё до его образования, в августе 1952 г. в Копенгагене, состоялись первые встречи советских представителей во главе с заместителем министра Внешней торговли Борисова с германскими предпринимателями. Германскую делегацию возглавлял Герхард Брунс, Президент Группы «Walzstahl», имевший хорошие старые связи в России. Среди прочих к нему присоединились тогда Эрнст Вольф Моммсен, глава компании «Phoenix-Rheinrohr» - и сам О.В. фон Амеронген[7]. В ходе переговоров стороны скоро констатиро-

вали, что взаимовыгодная торговля находится значительно ниже того уровня, на котором она могла бы быть. Участникам переговоров стало ясно, что нормальный товарооборот может появиться только на новой основе немецко-советского рамочного соглашения.

В целях выполнения данного решения 17 декабря 1952 года деловыми кругами ФРГ при взаимодействии с федеральным правительством был официально основан «Восточный комитет немецкой экономики», который и взял на себя развитие контактов и активизацию встреч с советской стороной, сначала на нейтральной территории в Женеве. Как отмечает фон Амеронген, особая роль «Восточного комитета» в первые годы его деятельности заключалась еще и в том, чтобы до возобновления нормального политического взаимодействия с СССР и его союзниками проводить реальные внешнеэкономические переговоры и выступать порой в качестве «удлинённой» руки федерального правительства[8].

Весной 1953 года во время заседания Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК) состоялась первая официальная встреча с советской стороной, которая передала немецким представителям обширный список желаемых к закупке товаров: станки, корабли, химическая продукция и электротовары, продукты кожевенной и текстильной отрасли, всего на 250 млн. рублей. Советские участники переговоров предложили провести следующий раунд по контингентам и группам товаров в Москве, но немецкая сторона осторожно уклонилась от такой поездки. Условились, что ответ на советские списки будет передан через советское Посольство в Берне.

На весенней конференции ЕЭК в Женеве в 1954 году были преодолены последние разногласия, и уже детальные переговоры продолжились в Посольстве СССР в Берлине. Тогда главным партнёром немцев по переговорному процессу был Ю.Е. Медведков, ставший позже первым советским Торгпредом в Бад Хоннефе под Бонном. Конечной целью переговоров было подписание официального Торгового соглашения между «Восточным комитетом» и Внешнеторговой промышленной палатой СССР. Оно должно было регулировать торговые и платёжные отношения, независимо от официальных дипломатических отношений между Москвой и Бонном, установление которых в 1953 году даже ещё не просматривалось[9]. Все свои действия «Комитет» согласовывал тогда естественно с Министерством экономики Германии, непосредственно с директором Райнхардом.

Следующим шагом должен был стать визит немецкой группы в Москву в том же 1954 году для завершения переговоров. Паспорта членов делегации уже лежали в советском посольстве на выдаче виз. В Министерстве экономики состоялось пятичасовое итоговое рабочее совещание «Восточного комитета» с представителями индустриальных союзов Германии по вопросам стратегии и тактики предстоящих заключительных переговоров в Москве. По рассказу фон Амеронгена, после заседания его неожиданно пригласил к себе в кабинет Райнхард, где сообщил, что запланированная поездка в Москву не состоится. Такое решение принял лично федеральный канцлер Аденауэр после того, как американцы дали однозначно понять его госсекретарю Халльштайну, что они не одобряют это начинание «Восточного комитета» и хотели бы видеть его незамедлительно отменённым. Директор Райнхард выразил свое искреннее сожаление фон Амеронгену по поводу такого «фальшстарта» немецко-советских торговых отношений и посочувствовал последнему, поскольку ему, кроме всего прочего, придётся сообщать в последний момент о неожиданной некрасивой отмене визита советской стороне и своим коллегам[10].

Ни фон Амеронген, ни Райнхард не могли понять истинную причину наложения такого вето: в ходе всех подготовительных встреч, бесед и переговоров к ним не поступало абсолютно никаких намёков на то, что в Бонне или Вашингтоне имеются сомнения на этот счёт. Более того, осмотрительный фон Амеронген, не желая получить из-за своей активной позиции в развитии экономических контактов со странами «Восточного блока» осложнения с американскими властями, благодаря знакомству с Джоном Мак Клоем (в 1949-52 годах – первым Высоким Комиссаром США в ФРГ) письменным подтверждением допустимости подобных контактов со стороны Высокой Комиссии. Документ подписал Джеймс Б. Конант, ставший с 1955 г. первым послом США в Бонне.

Возмущенному фон Амеронгену, понимавшему, что из-за произошедшего может пострадать не только его доброе имя, но и деловая репутация молодого «Восточного комитета», удалось вскоре попасть на приём к канцлеру Аденауэру, которому он, попросив объяснений, и доложил о наличии у него американской «индульгенции». На беседе присутствовали госсекретарь Халльштайн, который занимал в целом «деструктивную» позицию по отношению к развитию контактов с восточноевропейскими странами, и руководитель торгово-политического отдела германского МИДа фон Мальцан. Примечательно, что «подозрения» молодого немецкого предпринимателя по поводу госсекретаря полностью оправдались, ибо в скором времени он стал автором печально знаменитой «доктрины Халльштайна», которая препятствовала налаживанию торгового оборота Германии с СССР)[11].

Выслушав все обстоятельства подготовки сорвавшейся поездки в Москву, многоопытный Аденауэр «перевёл стрелки» на Халльштайна, выразив своё сожаление фон Амеронгену о том, что, как выяснилось, госсекретарь недостаточно подробно и без учёта всех взаимосвязей проинформировал своего канцлера. Как пишет фон

Америонген, тогда он был удовлетворён произошедшим восстановлением справедливости, его репутации и подтверждением правоты действий «Восточного комитета». Но лишь позже он понял, что, указывая на ошибки Халльштайна, «старый лис» сильно лукавил, ибо был совсем не огорчён несостоявшимся визитом немецкой делегации в Москву[12].

В действительности, уже тогда западногерманскому деловому миру становилось ясно, что Аденауэр, как позже он и сам признавал в своих мемуарах, отклонял тогда всяческое экономическое сближение с Советским Союзом, ибо это «не отвечало бы интересам Запада, дать возможность СССР, без политических уступок с его стороны, восстановиться и выйти из экономических трудностей. Ибо тогда, через пять, десять или более лет он сможет стать опасным, усилившимся колоссом, угрожающим миру».

Этой своей позиции Аденауэр полностью следовал во время исторического визита в Москву в сентябре 1955 г. во главе немецкой делегации, прибывшей в советскую столицу с целью установить дипломатические отношения с СССР. Не желая давать повод для ведения в Москве торгово-экономических переговоров, канцлер не включил в состав делегации ни одного экономиста, вычеркнув даже министра экономики Л. Эрхарда. Хотя было известно, что советское руководство, прежде всего по настоянию Н.С. Хрущева и Н.А. Булганина, намеревалось активно вести дело к заключению торгового соглашения с Германией. Как отмечал в своих мемуарах К. Аденауэр, «я был решительно настроен проявить большую осторожность по отношению к предложенным русскими в повестке дня вопросам экономического и культурного сотрудничества. В Москве обсуждение экономических вопросов не должно было ни в коем случае выйти на первый план… Вообще экономические переговоры с Россией должны всегда рассматриваться нами, прежде всего, с учётом политического аспекта»[13].

Обстоятельства установления дипломатических отношений между СССР и ФРГ подробно описаны в обширной советской и российской историографии. Из современных исследований следует выделить очерки А.А. Ахтамзяна «Германия и Россия в конце XX столетия» (2000). На основе анализа новых документов из Архива внешней политики СССР автор описал детальную, «живую» картину всех перипетий тех непростых московских переговоров, проходивших в крайне напряжённой обстановке в сентябре 1955 г.

По их итогам Советский Союз и ФРГ установили в 1955 г. дипломатические отношения и обменялись в 1956 г. представителями в ранге послов. Первым послом СССР в ФРГ стал В.А. Зорин, а с германской стороны в Москву был назначен В. Хаас. Но об установлении закрепленных в каком-либо официальном документе торгово-экономических отношений не было ещё и речи. В целом, значительного потепления в советско-германских отношениях в последующие после поездки немецкого канцлера в СССР годы она не принесла, а договорённости, достигнутые в ходе визита Аденауэра в Москву, никак не отразились на оживлении экономического взаимодействия с Советским Союзом.

Только А.А. Смирнову, сменившему в 1957 г. В.А. Зорина на посту посла в Бонне и быстро наладившему хороший контакт с К. Аденауэром, удалось вновь начать дискуссию о советско-германском торговом договоре.

К этому моменту всё более нарастало недовольство немецких промышленных кругов деструктивной политикой своего правительства, прежде всего в лице министра иностранных дел Х. фон Бретано, при поддержке Аденауэра упрямо пытавшегося увязать развитие торгово-экономических отношений с СССР и вопросы немецкого единства. Германских предпринимателей и «Восточный комитет немецкой экономики» особенно беспокоил тот факт, что западные союзники ФРГ активно использовали возможности по поддержанию собственного экспорта в страны Восточной Европы. Немецкие же промышленники с горечью вынуждены были констатировать, что, вопреки их надеждам, установление дипотношений между Москвой и Бонном никак не приблизило момент соответствующего официального оформления и значительной активизации экономических германско-советских отношений.

Об их реальном состоянии и динамике в те годы свидетельствовала беспристрастная статистика:

— в 1952 г. товарообмен между СССР и ФРГ соответствовал 17,2 млн. марок (при этом доля немецкого экспорта здесь составляла лишь 0,6 млн. марок);
— к 1954 г. общий товарооборот достигал 145, 9 млн. марок (немецкая экспортная составляющая - 52,8 млн. марок);
— в 1956 г. Германия ввезла советских товаров на общую сумму 223,5 млн. марок, и экспортировала в СССР своей продукции на 288,9 млн. марок.

Это означало, что в 1956 г. ФРГ впервые достигла положительного баланса в торговле с Советским Союзом. Это происходило ещё только четыре раза в период 50-х – 60-х годов[14]. Именно с 1956 года немецкий концерн Phoenix-Rheinruhr начал впервые поставлять в СССР бесшовные трубы для трубопроводов, а также чугун, листовую сталь и нефтехимические установки, а фирма Krupp - крупные партии комплектного оборудования (даже предприятия в сборе)[15].

В советском экспорте в Германию преобладала сырьевая составляющая: уголь, древесина, нефть, хлопок. Как отмечал О.В. фон Америонген, решающий шаг в нужном направлении последовал со стороны Советского Союза в начале 1957 г. В феврале посол А.А. Смирнов передал канцлеру К. Аденауэру письмо главы советского правительства Н.А. Булганина. В нем особо под-

чёркивалась необходимость улучшения взаимоотношений двух стран, прежде всего, в области торговли.

Несмотря на возникшую напряженность между СССР и Западом из-за имевших место в это время «венгерских событий», уже через три недели поступил ответ от федерального канцлера. В нем подтверждалась готовность Германии обсуждать развитие торгового и научно-технического сотрудничества[16]. В июле 1957 г. начались консультации по подготовке торгового соглашения, консульского договора и соглашения о репатриации «российских немцев». Они продлились до февраля 1958 г., пройдя через несколько сложных переговорных фаз и находясь несколько раз на грани срыва. В ходе острых дискуссий и согласований по столь различным темам сторонам не так просто было найти нужный компромисс.

Наконец, к весне 1958 г. были готовы тексты Соглашения о товарном и платёжном обороте, Протокола о товарообороте в 1958 г. и Соглашения об общих вопросах торговли и морского сообщения. Данный пакет документов предусматривал увеличение товарооборота между двумя странами к 1960 г. до 1,2 млрд. марок (реальный показатель даже превысил этот уровень и составил в результате 1.4 млрд. марок[17]). Было решено также, что подписание состоится 25 апреля 1958 г. в Бонне. С германской стороны свою подпись на документах должен был поставить министр иностранных дел фон Брентано. А вот советская сторона, желая повысить статус подготовленных соглашений, также придать этому акту особое значение, после негласных протокольных консультаций с Бонном решила направить туда не российского коллегу фон Брентано А.А. Громыко, а легендарного Анастаса Микояна, занимавшего в то время пост первого заместителя председателя советского правительства.

Интересно описывает обстоятельства подготовки визита и самого пребывания А. Микояна в ФРГ в своих воспоминаниях О.В. фон Амеронген:

«*Однажды меня пригласил к себе посол Смирнов и спросил во время беседы, кто, по моему мнению, будет лучше воспринят - Громыко или Микоян. На мой и моих коллег из «Восточного комитета» взгляд, всё говорило за Микояна. Особенно тот факт, что он уже в 1926 г. – к стати, в возрасте 32 лет – стал наркомом по внешней торговле и вплоть до германского нападения на Советский Союз в 1941 г. активно занимался деловыми контактами между нашими странами.*

Между прочим, Микоян сыграл значительную роль в успешной деятельности «Российского консорциума» в 20-е – 30-е годы в Советской России, который возглавлял мой отец. Он сам, а также представители старшего поколения из таких компаний, как «Demag», «Ferrostahl», «Krupp» хорошо знали и помнили Микояна с тех пор, как очень умелого коммерсанта и приятного делового партнёра. Представительские таланты и способности Микояна великолепно раскрылись во время его визита в Федеративную Республику. Он привлёк к себе сразу всё внимание прессы и телевидения уже тем, что прилетел на новом советском реактивном пассажирском самолёте Ту-104, из-за чего церемонию встречи пришлось перенести во Франкфурт на Майне – аэродром Кёльн / Бонн оказался для этой машины маловат.

Программа визита была построена таким образом, чтобы высокий гость мог посетить знаменитую Ганноверскую Выставку. Туда Микоян отправился через всю страну на поезде, в сопровождении министра экономики Германии Л. Эрхарда. На вокзале в Ганновере Микояна встречала огромная восторженная толпа, в которой полиция с трудом проделала проход для прибывшей делегации. Обаянию советского гостя поддался даже федеральный канцлер – все мы наблюдали, как два опытных лиса быстро и легко достигли тесного контакта.

Среди многочисленных бесед и дискуссий, проходивших во время официальных церемоний и приёмов, где Микоян не уставал вспоминать добрые довоенные времена, когда на советско-германский товарооборот приходилось 10% всего немецкого экспорта (против 1 % в 1957 г.), мне запомнился и такой не очень важный, но характерный для Микояна случай.

На приёме от имени федерального правительства последнему удалось лишить дара речи даже великолепного оратора и острослова Франца Йозефа Штрауса (известный правый немецкий политик, один из лидеров партии ХСС, тогда – министр обороны ФРГ – С.С.).

Несколько опоздавшего к началу мероприятия Штрауса сотрудник протокола подвёл к Микояну, беседовавшему как раз со мной и моими коллегами, и попросил меня представить вновь прибывшего высокому гостю.

Микоян приветливо протянул Францу Йозефу руки и сказал при этом: «О, господин Штраус, вы так мило выглядите, но говорите всегда такие нехорошие вещи о Советском Союзе!». Штраус не нашёлся сразу, что ему ответить…»[18].

В целом, заключение первого торгового договора между СССР и ФРГ в

1958 г. заложило качественно новую основу для развития экономического сотрудничества двух стран. Оно имело и определённый дополнительный эффект, так как убирало из чисто политических процессов излишнюю «идеологизированность», придавая дипломатическим отношениям реальную финансово-экономическую базу. Значение подписанных в 1958 г. обеими странами документов особенно хорошо стало видно во время последовавшего практически сразу после установления между ними торговых отношений Берлинского кризиса. Попытки Н.С. Хрущёва определить окончательно статус Западного Берлина в 1958-1960 гг. завершились возведением Берлинской стены в 1961 г. Также

произошел резкий спад начавших было набирать обороты разносторонних советско-германских контактов. О том периоде в своих воспоминаниях бывший «дважды» посол ФРГ в СССР Андреас Майер-Ландрут писал так: «В отношениях между Бонном и Москвой воцарилась беспросветная зима. Западный мир, и прежде всего американцы, были в замешательстве…»[19]

Но на советско-германской торговле в начале 60-х годов эта ситуация практически не отразилась. По мнению фон Амеронгена, всё выглядело бы иначе, не имей обе ФРГ и СССР на тот момент в качестве «надёжного фундамента» торговый договор 1958 г.

Благодаря ему, несмотря на дипломатические войны, в декабре 1960 г. между СССР и ФРГ было заключёно новое соглашение о товарном и платёжном обороте на период 1961-1963 гг., объёмы двустороннего экспорта-импорта продолжали расти.[20]

Именно в это время впервые стал актуальным вопрос о немецких трубах большого диаметра. Они были необходимы для строительства трубопроводов, в том числе и экспортных, для транспортировки энергоносителей из открытых в СССР крупнейших месторождениях нефти и газа. В рамках долгосрочного торгового соглашения 1960 г. советские внешнеторговые организации разместили в Германии на фирмах Phoenix-Rheinruhr, Mannesmann, Krupp заказы на поставку труб большого диаметра. Это позволило СССР заключить в 1962 г. первый контракт с «Западом» на поставку нефти итальянскому концерну Eni. Тем не менее, правительство Аденауэра не смогло выдержать продолжительную позитивную линию по отношению к Советскому Союзу в экономической сфере. В качестве реакции на возведение Берлинской стены К. Аденауэр решил отменить намеченную на 1962 г. и горячо приветствовашуюся немецкими деловыми кругами Промышленную выставку Германии в Москве.

А в апреле 1963 г., поддавшись давлению США на фоне Карибского кризиса, канцлер Аденауэр, ссылаясь формально на необходимость соблюдения условий КОКОМ[21], потребовал от ведущих Рурских промышленников отказаться от уже заключённых ими с СССР контрактов на поставку 130 тыс. тонн стальных труб большого диаметра и соответствующего оборудования к ним. Тогда это решение канцлера стало неожиданным ударом для обеих сторон. Как отмечал А. Майер-Ландрут, «немецкая и русская сторона находились под впечатлением эмбарго по поставкам труб, которое потребовало американское правительство от Германии, и на которое пошёл тогда канцлер. Немецкие фирмы не могли соблюдать условия уже подписанных договоров с советским Внешторгом»[22].

Компании Phoenix-Rheinruhr, Mannesmann, Krupp вынуждены были понести огромные убытки: в то время на советский блок приходилось 30% всей экспортной продукции Mannesmann. В результате запрета на поставки труб большого диаметра только этот концерн потерял от 80 до 100 млн. марок. Подобные убытки понесла и фирма Krupp. Запрет на поставки труб в СССР вызвал негодование бизнес-элиты и обсуждался в бундестаге.

Из-за проблем с восточной торговлей часть западногерманского делового мира (а к уже упомянутым "пострадавшим" примкнули фирмы Salzgitter AG, Siemens, Haniel, IG Farben, Thyssen, Hoechst, AEG) дистанцировалась от ХДС/ХСС [23].

В итоге, К. Аденауэру в том же 1963 г. пришлось уйти в отставку, уступив место канцлера своему министру экономики - Людвигу Эрхарду. В декабре 1966 г., вследствие развившегося кризиса политического курса правительств, возглавляемых лидерами правых партий ХДС/ХСС, впервые в истории ФРГ было сформировано правительство «большой коалиции»: правым пришлось делить власть с социал-демократами (СДПГ). В кабинет во главе с канцлером К.-Г. Кизингером (ХДС) вошёл в качестве вице-канцлера и министра иностранных дел лидер СДПГ Вилли Брандт, провозгласивший позже новую «восточную политику»[24].

Что же касается самого «трубного конфликта», то СССР тогда сам наладил их производство на Челябинском трубопрокатном заводе, благодаря чему в этот период успешно развивалось сотрудничество со странами социалистического блока. С 1965 г., по знаменитому нефтепроводу «Дружба», начинаются поставки нефти в ГДР (первая реальная поставка российских энергоносителей на немецкую землю), Венгрию, Чехословакию, Польшу и Болгарию, - и газа, по межправительственному Соглашению 1968 г.

Западногерманские концерны также поэтапно отыграли ограничительные правительственные запреты и постепенно возобновили контракты на поставку труб и сопутствующего оборудования в Советский Союз. В 1967 г. СССР заключил договор об экспорте газа в Австрию. 1968 год ознаменовался уже началом поставок советского газа в эту нейтральную страну, а через нее транзитом – и в Италию. Примечательно, что именно советское взаимодействие с Австрией стало предтечей будущего советско-германского соглашения «Газ-Трубы». Вот как об этом пишет фон Амеронген: «В 1967 г. австрийцы договорились с русскими о газовых поставках. Для этого необходимо было продлить газопровод, тянущийся из Сибири в Братиславу до Вены и Триеста. Австрия была крайне заинтересована использовать для этого трубы высокого давления диаметром 42 дюйма, т.е. почти 1 метр. В то время подобные трубы можно было заказать только у немецкой компании «Тиссен» - и так Германия стала опосредованным участником этой сделки, выполняя роль суб-подрядчика австрийского концерна «ФЁСТ».

Соответствующий контракт с «Тиссеном» привлёк к себе большое внимание, когда о нём было сообщено в ходе Ганноверской промыш-

ленной выставки в 1969 г. Там находился с визитом и советский министр внешней торговли Николай Патоличев. На встрече с немецким министром экономики Карлом Шиллером он совершенно неожиданно для немецкой стороны предложил протянуть трубопровод также и в Германию. Именно тогда Патоличев начал зондирование возможностей договориться с Германией по большой сделке-обмену газа на трубы. Чуть позже Шиллер направил своего государственного секретаря Клауса фон Донаньи для продолжения предварительных бесед, начатых в Ганновере»[25].

Осенью 1969 года в ФРГ по итогам выборов впервые было сформировано правительство без участия христианских демократов, которое возглавили федеральный канцлер социал-демократ Вилли Брандт и вице-канцлер и министр иностранных дел, представитель партии свободных демократов Вальтер Шеель. С этого момента они реально приступили к претворению в жизнь «новой восточной политики». Несмотря на осложнения, вызванные событиями в Праге 1968 г., Вили Брандт, будучи реалистом, чётко осознавал, что именно после Берлинского, Карибского и Пражского кризисов существует только один разумный путь восстановления нормальных добрососедских отношений с СССР – через активизацию взаимовыгодного экономического сотрудничества.

Это отвечало и интересам Советского Союза, оказавшегося под мощным огнем критики после ввода войск в Чехословакию. В этих условиях подключение европейцев в том числе и к газовому взаимодействию стало одним из приоритетов внешней политики Кремля. Новый канцлер Германии ясно понял сигналы, поступающие из Советского Союза, реально заинтересованного тогда в современном немецком промышленном оборудовании и, соответственно, в действенном торгово-экономическом развитии в отношениях двух стран.

Поэтому не случайно после визита государственного секретаря Министерства экономики ФРГ К. фон Донаньи в Москву сторонам удалось всего за 9 месяцев провести попеременно в Москве, Вене, Эссене и Кёльне сложнейшие детальные согласования крупнейшего экономического контракта по схеме «Трубы-Газ». К февралю 1970 г. стороны пришли к его торжественному подписанию. То есть, за 7 месяцев до заключения исторического «политического» Московского договора между Советским Союзом и Германией. 1 февраля 1970 года в 12 часов 02 минуты в конференц-зале эссенского отеля «Кайзерхоф» зазвенели бокалы с шампанским. Министр экономики ФРГ профессор Карл Шиллер и советский министр внешней торговли Николай Патоличев скрепили подписями соглашение по поставкам металлических труб из ФРГ в обмен на природный газ из СССР.

Фактически тогда были заключены 3 договора:

— между внешнеторговым объединением «Промсырьёимпорт» и концерном «Маннесманн» о поставке последним 1,2 млн. тонн труб стоимостью 1,2 млрд. марок;
— между в/о «Союзнефтеэкспорт» и концерном «Ругаз АГ» о закупке последним в течение 20 лет 52 млрд. куб. м газа стоимостью 2,5 млрд. марок;
— между «Внешторгбанком» и консорциумом германских банков во главе с «Немецким Банком» о кредитовании этой сделки в объеме 1,2 млрд. марок на 10 лет.

В октябре 1973 г. начались поставки газа в ФРГ. Тогдашний шеф компании Ruhrgas Херберт Шельбергер в местечке Вайдхаус на границе между Чехией и Баварией торжественно отвернул кран, открывший путь советскому газу в трубопроводную систему Западной Германии. Положения документов 1970 года были успешно развиты в последующих подобных соглашениях 1973, 1974 и 1981 годов, которые предусматривали увеличение объемов поставляемого газа:

— по второму соглашению «трубы - газ» октября 1973 г. закупка труб увеличивалась до 2,4 млн. тонн, а поставки газа за 20 лет – до 120 млрд. куб. м;
— третье соглашение (октябрь 1974 г.) предусматривало увеличение объема поставок труб из ФРГ в СССР до 3,7 млн. тонн (соответственно и кредита до 4 млрд. марок), а также дополнительные поставки газа в ФРГ на 60 млрд. куб. м;
— в ноябре 1981 г. был заключён четвёртый по счёту подобный контракт, который предусматривал снабжение в обмен на газ (дополнительно 8 млрд. куб. м.) не только трубами, но и соответствующего объему поставок и протяженности газопровода количества компрессорных станций[26].

Именно в этот момент США, и ранее предпринимавшие усилия помешать заключению и выполнению советско-германских контрактов, в очередной раз попытались закрыть подобные поставки. Администрация Р. Рейгана в декабре 1981 г. на этот раз ввела эмбарго на ввоз в СССР американских комплектующих для компрессорных станций. Но конструктивная позиция политических и деловых кругов Германии быстро свели на нет эти препоны. Уже в ноябре 1982 г. США вынуждены были снять свой запрет на поставку нефтегазового оборудования в Советский Союз. Андреас Майер-Ландрут, в 80-е годы посол ФРГ в СССР, так описывает эту ситуацию: «Американцы были очень заинтересованы в поддержке эмбарго против Советского Союза. При этом интересно, что американское лобби по экспорту зерна в 1981 году добилось-таки от Рейгана исключительного права на экспорт зерна в СССР, а бизнесмен Арманд Хаммер получил разрешение на поставки удобрений, которые при более пристальном рассмотрении также имели «стратегическое значение». На Германию оказывалось давление с целью добиться отказа

от сделки газ-трубы, но Бонн твердо стоял на позиции, что этот договор был заключен раньше, и поэтому не подлежит эмбарго»[27].

Весной 1981 года министр экономики ФРГ Отто граф Ламбсдорф отправился в США с единственной целью: убедить американцев не относиться подозрительно к западногерманской сделке с Советским Союзом. Он, используя цифры, объяснял госсекретарю Александру Хейгу смысл европейского газового союза, положение с обеспечением газом в ФРГ, и доказывал, что его страна не может оказаться в политической зависимости от Москвы из-за поставок сибирского газа. Под давлением США был все-таки установлен лимит потребления Германией советского газа – до 16%[28].

О той «разъяснительной и успокоительной» работе, которую он старался проводить с американцами еще в 1970 г., вспоминает Отто Вольф фон Амеронген: «Товарооборот США с СССР составлял к 1970 г. только 1/5 германо-советского товарооборота в размере 3 млрд. марок. Американские политики испытывали явный «раппальский синдром» и панический страх перед перспективой взаимозависимости немцев, их союзников по НАТО, и русских, потенциальных противников. Аргументы были иногда совершенно абсурдными. На полном серьезе утверждалось, например, что в случае военных действий трубопроводы из СССР на Запад могли бы обеспечить снабжение советской армии горючим. Представьте себе: заправлять русские танки прямо из газопроводов!

Доводы политиков были смесью инстинктивного страха, сознательной враждебности и полного неведения относительно экономического будущего Европы.

Профессионалы-бизнесмены в Америке оценивали ситуацию иначе.

В те годы я был членом правления крупнейшей нефтяной компании Exxon Corporation, и мы, конечно, обсуждали последствия широкомасштабных закупок советского газа.

Нефтяные короли сказали мне: "Действуй, Отто, не обращай внимания на Вашингтон". Дескать, у парней в Белом Доме свой бизнес, а у нас с тобой - свой. Они, как и мы, были убеждены, что политическая риторика - это чепуха. А газопровод через континент - это, если хотите, инструмент, привязывающий не только нас к советским поставкам, но и, наоборот, ставящий их "кран" в зависимость от Запада".

В целом, экономическое и политическое значение соглашений «Трубы-Газ» трудно переоценить.

К 1980 году советский газ покрывал 17% потребности ФРГ в импорте этого продукта. СССР импортировал на тот момент 65 % газопроводных труб большого диаметра, произведенных в ФРГ, а также машины и оборудование для газовых магистралей, что позволило создать в Советском Союзе собственную развитую энергетическую инфраструктуру.

Германская промышленность к концу 70-х годов отправляла в СССР 2/3 производимых в ФРГ труб большого диаметра, что обеспечивало полную загрузку заводов «Крупа», «АЭГ», а в случае с «Маннесманном» даже потребовало увеличения производственных мощностей в 2 раза.

Как подчёркивал А. Майер-Ландрут, «поставка немецких труб для российского газопровода позволила сделать настоящий экономический рывок в наших отношениях с Советским Союзом.

Вся эта ситуация позволила немецкой экспортной промышленности, в первую очередь машиностроителям, занять выгодные стартовые позиции на русском рынке»[29].

Если говорить о политическом значении достигнутых в феврале 1970 г. соглашений «трубы-газ», то можно смело утверждать: они облегчили подписание между СССР и ФРГ семью месяцами позже, в августе 1970 г., исторического Московского Договора. Он не только ознаменовал беспрецедентный поворот в отношениях между обоими государствами от конфронтации к взаимовыгодному сотрудничеству, но и открыл перспективы для решения глобальных проблем безопасности в Европе. Именно с договора «Трубы-Газ» и Московского договора 1970 г. началась реальная политика разрядки международной напряжённости, кульминацией которой стало подписание в 1975 году Хельсинкского акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Smirnov S. V. The Beginning of Russian-German Co-Operation On the the Field of the Energy Supply Sources (70-th of Twentieth Century).

Summary: *The article is dedicated to the beginning and progress of Russian-German co-operation on the field of the energy supply sources in the early 70-th of twentieth century. This relations between Russia and Germany, which started at that time many processes of global European co-operation, are in the focus of the article. The object of research, based on the documents and memories of the participants of that events, is also the complicated way from the watchful political rapprochement to the tight economic ties between former enemies in the World War II.*

Ключевые слова

российско-германское сотрудничество, газопровод, соглашение «Газ-Трубы», Отто Фольфф фон Амеронген, Андреас Майер Ландрут.

Keywords

Russian-German co-operation, gas pipe-line, agreement Gas-Pipes, Otto Wolff von Amerongen, Andreas Mayer Landrut.

Примечания

1. Судо М.М., Судо Р.М. Нефть и углеводородные газы в современном мире. Изд. 2-е, испр. и доп. М. 2008. С. 162.
2. Energy Balances of OECD Countries: 1998-1999 (Vol. 2), P.: OECD / IEA 2001. P. 328-329.
3. Ахтамзян А.А. Германия и Россия в конце XX столетия, М. 2000. С. 18.
4. Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft», München, 1992.
5. Andreas Mayer Landrut Mit Gott und langen Unterhosen. Erlebnisse eines Diplomaten in der Zeit des Kalten Krieges», Berlin, 2003. Издана на русском языке в Москве в 2005 г. под названием «С Богом! И оденься потеплее. Моя дипломатическая миссия в России».
6. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992. S. 69.
7. Ibid. S. 69-70.
8. Ibid. S. 68.
9. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992. S. 70/
10. Там же. S. 72.
11. О доктрине Халльштайна см. Ахтамзян А.А. Германия и Россия в конце XX столетия, М. 2000. С.. 31; Н.В.Павлов История современной Германии, 1945 – 2005 гг. М. 2006. С. 96.
12. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992, S. 73-74.
13. Цит. по: Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992. S. 75.
14. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992, S. 77/
15. Лабецкая Е., Лукьянов А. и др. Труба в бесконечность. Хроника самой большой сделки в российско-германской истории. ИД Время, 2000 http://www/pseudology.org\gasprom\USSR_FRG.htm
16. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992, S. 83.
17. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992, S. 85.
18. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992, S. 89-91.
19. Андреас Майер-Ландрут С Богом! И оденься потеплее. Моя дипломатическая миссия в России М. 2005. С. 41.
20. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992. S. 92.
21. От англ. COCOM (Coordinating Committee of East-West Trade Policy) – координационный орган НАТО, контролировавший поставки стратегически важных технологий в страны «Восточного блока».
22. Андреас Майер-Ландрут С Богом! И оденься потеплее. Моя дипломатическая миссия в России М. 2005. С. 44.
23. Лабецкая Е., Лукьянов А. и др. Труба в бесконечность. Хроника самой большой сделки в российско-германской истории. ИД Время, 2000 http://www/pseudology.org\gasprom\USSR_FRG.htm
24. Ахтамзян А.А. Германия и Россия в конце XX столетия, М. 2000, С. 37.
25. Otto Wolff von Amerongen Der Weg nach Osten. Vierzig Jahre Brückenbau für die deutsche Wirtschaft. München, 1992, S. 123.
26. Ахтамзян А.А. Германия и Россия в конце XX столетия, М. 2000, С. 108.
27. Андреас Майер-Ландрут С Богом! И оденься потеплее. Моя дипломатическая миссия в России. М. 2005, С. 175.
28. Лабецкая Е., Лукьянов А. и др. Труба в бесконечность. Хроника самой большой сделки в российско - германской истории. ИД Время, 2000 http://www/pseudology.org\gasprom\USSR_FRG.htm
29. Андреас Майер-Ландрут С Богом! И оденься потеплее. Моя дипломатическая миссия в России М. 2005. С. 175.